

РЕПЕТИЦИЯ НА ДЕСЕРТ

Рассказ

Сперва Марчел решил, что в сарае завелись мыши. Ну, как решил? Мыши там водились всегда, в этом не было никаких сомнений, как и в том, что жена Лидия, сколько себя помнил Марчел, пилила супруга, требуя потравить, наконец, злосчастных грызунов.

– Как травить? Чем травить? – недоумевал Марчел.

– Ты дурак? – не менее недоумевала Лидия. – Чем-то кроме яда их еще травят?

Марчел замолчал, избегая бесперспективных диспутов, в которых супруга никогда не проигрывала. Да и чем он собирался бить по позициям Лидии? Доводами о том, что в сарае так приятно вздремнуть часок-другой на стоге сена, и что хорошего в том, чтобы вместе с полезным ароматом сухой травы он надышится парами крысиного яда? Что он услышит в ответ? Миллионный повтор привычных упреков в том, какой он никчемный бездельник?

Впрочем, на этот раз подозревать мышей долго не пришлось. В углу сарая Марчел увидел лежащего человека, одетого – что стало понятно сразу, хотя незнакомца частично скрывали сваленные в угол доски, – в военный камуфляж.

– Тихо! – скомандовал пришелец, и Марчел увидел наставленное на себя дуло. – Здесь глушитель, никто не услышит выстрела.

– Не стреляйте! – умоляюще выставил ладонь Марчел. – Вас никто не тронет.

Незнакомец усмехнулся, будто и не сомневался в том, что в сарае Марчела его действительно никто не тронет. Усмехнулся и тут же скривился, будто от боли.

Ранен? Господи, только этого не хватало! Так он же...

Дальше Марчел не хотел и думать, и так все было ясно. Прятавшийся у него в сарае незнакомец – человек с войны, разгоревшейся к востоку от Молдавии, в каких-то сотнях километрах от дома Марчела, и какая разница, кто он, этот человек в военной форме. Подумав это, Марчел инстинктивно покосился на руку незнакомца, но никакой нашивки с флагом на рукаве не заметил. Ясно, что дезертир, вот только чей?

Зато он увидел темную кожаную папку, которой военный прикрывал живот.

– Может, вам врач нужен? – робко спросил Марчел, а незнакомец показал дулом в противоположный угол. – Что, простите?

– От двери отойди, говорю. Туда встань.

Сделав несколько шагов к центру сарая, Марчел вспомнил, о чем ему напомнила эта папка. Вернее, этот жест – жест человека, прижимающего к себе папку. Он вспомнил фильм с Михалковым в роли авторитета, в рыжем парике и в малиновом пиджаке – там-то и был этот парень, вечно ходивший с папкой. Бандюган, прижимавший к себе спрятанную в папку свинцовую пластину, которой надеялся уберечься от пуль. Правда, подстрелили его как раз в тот момент, когда он бук-

Сергей Дигол родился в 1976 году в Молдавии. В 1998 году окончил исторический факультет Молдавского государственного университета. Публиковался в журналах «Нева», «Москва», «Дружба народов». Живет в Кишиневе. В «Волге» публикуется с 2010 года.

важно на минуту оставил папку в другой комнате. Неужели и этот надеется, что его спасет кусок металлической пластины?

– Мне нужно побыть здесь пару дней, – сообщил незнакомец. – Нужна вода и еда. Хлеб, колбаса, ну и помидоры какие-нибудь.

– Ну это можно, – согласился Марчел.

– И деньги, – добавил незнакомец.

– Какие деньги? – механически спросил Марчел.

Незнакомец хмыкнул.

– Твои конечно. Леев пятьсот найдется?

Еще чего, подумал Марчел. Может, выгоднее сдать тебя полиции?

– Если что-то пойдет не так, – дуло пистолета выписывало круги в воздухе, – ну там, менты, например, нарисуются...

– Нет, ну что вы...

– Я не договорил. Не то что менты – если кто другой войдет в эту дверь, – дуло пистолета для верности указало на единственную дверь в сарае, – назад уже не выйдет. Это понятно?

– Понятно, – вздохнул Марчел.

– Так что там с деньгами? – напомнил военный. – Неси давай.

– Прямо сейчас?

– А тебе что, в банк нужно сгонять?

– Ну... – замялся Марчел, прикидывая, какой частью закладки он может пожертвовать.

Ох, уж эти деньги! Все двенадцать лет, пока Лидия убирала дома в Италии, накопления Марчела росли как бюджет какого-нибудь Монако – уверенно и без потрясений. Он мог не беспокоиться, что в один не очень прекрасный момент не хватит денег на выпивку – денежных переводов от жены вполне хватало на то, чтобы не спиться, но при этом не киснуть вечерами одному, без бутылочки коньяка или баклажки пива. С пандемией все переменялось, и не к лучшему.

Во-первых, потеряв работу в Италии, вернулась домой супруга. Во-вторых, Марчелу пришлось долго объяснять, куда он мог потратить, по приблизительным подсчетам Лидии, не менее семи тысяч евро из денег, присланных ею за все эти годы. Его ссылки на вечно дорожающие коммунальные услуги, на бесконечный рост цен на хлеб, яйца и остальные элементарные продукты, без которых простому человеку не прожить, не говоря уже о разносолах, супругой принимались во внимание, но не снимали главного вопроса. На что, черт возьми, он мог потратить по меньшей мере семь тысяч евро?

Наконец, в-третьих, пожившая в Европе Лидия хотела увидеть какой-никакой бизнес-план. Проще говоря, когда и ради чего Марчел собирался оторвать задницу от дивана, чтобы наконец приносить в дом более-менее стабильные суммы денег?

На сарай, на который много лет назад, еще до итальянской одиссеи Лидии, возлагал надежды Марчел, супруга давно успел наплевать. В свое время Марчел собирался открыть в нем пункт вулканизации шин, проявляя тем самым заботу об односельчанах: не ездить же им, в самом деле, в Кишинев – залапать прохудившееся колесо?

Затем родилась идея получше – так, по крайней мере, решил Марчел. Сделать в сарае – не вместо сарая, а в самом сарае – гостиничный номер, выдав его за местную крестьянскую старину. В какой-то мере это было правдой, ведь сарай построил еще отец Марчела, а сам Марчел и палец о палец не ударил, чтобы подлатать его уже порядком подгнившие стены. К тому же в селе жила легенда о том, как когда-то сюда привезли самого Гагарина, и даже в центральной прессе публиковали фотографию первого космонавта, перевязанного полотенцем с молдавским национальным узором – так издавна принято помечать свадебных свидетелей. Марчел планировал найти ту самую фотографию, распечатать ее и повесить на стенке сарая, в котором якобы и заночевал Гагарин, изрядно устав после той самой свадьбы.

Увы, смелые проекты так и остались нереализованными идеями, о которых и сам Марчел

со временем позабыл. В свое оправдание он думал о том, что никто, включая Лидию, не стал бы инвестировать в его задумки, а без денег даже самые гениальные идеи не стыдно и позабыть.

- Так что там насчет денег? – напомнил незнакомец. – Пятьсот леев неси.
- Сейчас, сейчас, – засуетился Марчел, когда понял, что пришелец не шутит.
- Пятьсот сейчас и пятьсот за каждый день, пока я буду тут кантоваться.

Село Крожушна – дыра на окраине рая. Сами крожушенцы, и Марчел в их числе, считали, что обитают в предместьях поднебесья. С холма, на котором раскинулось село, виднелось озеро Гидигич, за которым, совсем уж где-то в враге, виднелись в дымке панельные коробки столичного Кишинева. Сколько себя помнил Марчел, все крожушенцы не то что желали, но точно ждали того дня, самого дождливого дня в истории, когда воды Гидигича наконец прорвут дамбу и хлынут, смывая все на своем пути, прямо на столицу. Осеняя себя крестным знамением, крожушенцы будут с тоской и душевным подъемом смотреть, как утопает столица, благодаря Всевышнего за то, что он даровал им счастье родиться и жить на холме, в Крожушне, на земле их спасительной малой родины.

Но годы шли, а Гидигич все не разливался, и даже дамба, на непрочность которой возлагались такие надежды, теперь выглядела неприступной и даже высокомерной, если так можно выразиться не о человеке, а о творении рук человеческих. Теперь озеро заметно обмелело – так, что и семидневный ливень не погубил бы жителей Кишинева, которые осмелели до того, что каждые выходные в теплое время года не боялись гневить подводного демона Гидигича, сотрясая пристроенную прямо к берегу озера огромную веранду ночного клуба, названного одновременно претенциозно и предсказуемо – «Бали».

На раскинувшемся на берегу озера клубе теперь и держалось благосостояние семьи Марчела. Ведь на этом пирсе – крохотном, если смотреть с противоположного берега, – куда, однако, влезало до трехсот развращенных деньгами и удовольствиями жителей молдавской столицы, лениво съезжавшихся на Гидигич начиная с вечера пятницы, идеально совпали стремление администрации «Бали» удивить выдавших виды клиентов и умение Лидии готовить десерты, которым она овладела, убирая в доме одной итальянской старушенции.

Старуха была провинциальной актрисой, так и не ставшей звездой балета, но сохранившей в старости гастрономические пристрастия, которые, видимо, и помешали ей стать примой театра «Ла Скала». Панфорте, канноли, семифредо, панна-кота и конечно тирамису. Теперь эти десерты стали визитной карточкой клуба «Бали», более того, многие дамы вытягивали своих мужей и любовников на Гидигич уж не для того, чтобы подышать на природе болотным амбре, висевшим над озером, и даже не для того, чтобы слушать заезжих ди-джеев, которых выдавали за звезд мировой величины. Десерты, которые нельзя было в Молдавии больше попробовать нигде – вот из-за чего от слова «Бали» начиналось слюноотделение, и из-за чего однажды Марчелу, который теперь регулярно доставлял приготовленные женой сладости, пожал руку сам владелец клуба.

– Никто не должен знать, что вы делаете для нас десерты, – сказал он Марчелу. – Не дай бог я узнаю, что где-то в городе, в каком-то сраном кафе завелись такие же десерты, как у нас – яйца тебе оторву.

Марчел не нашелся что ответить, хотя и общался не с супругой.

– А вообще, я вами очень доволен, – сказал хозяин «Бали» и протянул Марчелу свою отмажничуренную руку.

О том, чтобы поднять, хотя бы процентов на десять, закупочную цену на десерты, Марчелом не было сказано ни слова, хотя именно за этим он и напросился на встречу с хозяином. Впрочем, короткой беседы, вернее, монолога хозяина хватило, чтобы убедить Марчела в главном. В их с Лидией положении стабильность – лучшая из добродетелей.

Иногда Марчел представлял, как на своем ржавом опеле везет, как всегда днем в пятницу, коробки с десертами на другой берег озера. По дороге машина переворачивается, и он, окровавленный, торжествуя, видит над собой не врача и не полицейского. Видит он хозяина клуба, пунцового от гнева, изо рта которого прямо на лицо Марчела летят разъяренные слюни:

– Что ты натворил, гад? Чем я буду кормить всех этих уродов?

Вытащив из большой коробки лоток с двенадцатью пирожными, Марчел подошел к двери сарая. Заканчивался второй день пребывания незнакомца, и Марчел хотел выяснить, по крайней мере для себя, возможны ли другие варианты расчетов.

– Здесь больше, чем на пятьсот леев, – протянул он лоток военному. – Вы можете неплохо на них заработать, честное слово!

Дуло пистолета, которое не появлялось со вчерашнего дня, теперь снова уверенно уставилось на Марчела.

– Шутка хорошая, – сказал незнакомец. – Но последняя, пока я здесь. Договорились?

Марчел вздохнул и направился к выходу. Ничего не поделаешь: придется лезть на колокольню.

На площадке колокольни хранилось самое ценное воспоминание Марчела о детстве и о родителях. Так уж вышло, что даже фотографий родителей не осталось, и маму с папой Марчел видел лишь на крестах в те дни, когда посещал их могилы на сельском кладбище. Но здесь, прямо под колоколом сельской церкви, взгляд Марчела останавливался на жестяной коробке, от одного вида которой у него сжималось сердце и слезы сами собой сочились из глаз. Небольшая металлическая коробка с кометой, разрезающей бесконечную темноту Вселенной, коробка, в которой когда-то родители купили конфеты, вкуса которых Марчел не помнил, да и вряд ли когда-то их пробовал. Зато он отлично помнил, что мама хранила в коробке нитки с иголками, и с удивлением узнавал, что, кажется, у всех знакомых его возраста родители подобным же образом использовали железные коробки из-под конфет.

Пока Лидия горбатилась в Италии, коробка лишь пополнялась, пока не заполнилась до суммы, эквивалентной примерно семи тысячам евро. Но как только супруга вернулась, Марчел поспешил спрятать заначку там, куда Лидии точно не добраться – на его, Марчела, рабочем месте.

Приглашение стать сельским звонарем Марчел получил сразу после того, как предыдущий звонарь, Василе, упал с колокольни и разбился насмерть. Батюшка Георгий чудом избежал больших неприятностей – спасло его лишь то, что Василе упал не вовремя службы, а поздним вечером, и что убили его, будучи вдрызг пьяным. Оперативная группа, осмотревшая место происшествия, обнаружила более пятидесяти бутылок на площадке звонницы – пустых, полупустых и ещё не распечатанных, и все их изъяла для приобщения к делу.

Марчел не стал повторять ошибки предшественника, твердо решив для себя, что ремесло звонаря и сухой закон – синонимы. И все же его немного согревала мысль о том, что если он ненароком оступится и сорвется с площадки, заначка вряд ли достанется Лидии – скорее всего деньги изымут и приобщат к делу, как коллекцию алкоголя Василе. Да и кто в здравом уме полез бы на такую высоту, тем более после недавней трагедии?

Поднимаясь на свое рабочее место в нерабочее время, Марчел думал о том, что в его жизни явно наступила черная полоса. Мало того что он, как дурак, лезет на колокольню, чтобы обеднеть еще на пятьсот леев из-за непонятого подонка, место которому или в тюрьме или на фронте, так еще ему не доплатят целую тысячу леев за репетицию, которую на завтра назначили в церкви.

Такое, на памяти Марчела, случалось впервые. Репетировать должны были венчание дочери Чебана, владельца Крожушенского винзавода и местной же маслобойни, чловека, которого боялись и на которого молились все односельчане. Еще бы не боялись, ведь перейти ему дорогу

означало в лучшем случае бежать из села, побросав все пожитки. Еще бы не молились – какой-никакой, но постоянной работой в Крожушне обеспечивали лишь его предприятия.

Сам Чебан, загоравший перед свадьбой дочери где-то на островах, решил самолично удостоверить, что к его приезду, к которому невеста с женихом намеренно подгадали дату бракосочетания, по крайней мере, венчание пройдет настолько же гладко, как открытие нового разливающего цеха на винзаводе.

– Говорят, он отвалил батюшке тысячу евро, только чтобы тот согласился как бы обвенчать их до венчания, – сказал Марчел, отсчитывая пятьсот леев пятидесятилевыми купюрами.

Досада давила ему грудь, и Марчел не выдержал, рассказал о странном капризе местного миллионера своему незваному гостю.

– Без звонаря они будут репетировать, – проворчал Марчел. – Что им, тысячи леев жалко, что ли? Говорят, Чебан по интернету будет смотреть, чтобы все прошло как по маслу. Жмот хренов.

Пересчитав деньги, незнакомец задумчиво взглянул на Марчела.

– А ты все равно пойдешь туда, – сказал он.

– Куда? – не понял Марчел.

– В церковь. На репетицию эту самую. Сейчас-то они тебе, может, и не заплатят, но пусть видят, что ты бесплатно пришел. Типа, переживаешь, как все пройдет, и все такое. А там, глядишь, и лишнюю тыщонку, а может и две, подкинут после настоящего венчания.

А что, это идея, решил Марчел. Его вдруг накрыло такой признательностью к незнакомцу, что он едва не полез в карман за еще одной пятидесяткой, но вовремя спохватился.

– И вот что еще, – сказал военный. – Уезжаю я завтра. Ты перед тем как пойдешь в церковь, зайди ко мне. Не хочу оставаться должником.

Господи, неужели черная полоса сменилась белой? Целые сутки Марчел ждал – нет, не репетиции – а того момента, когда он вновь переступит порог сарая. Он сразу понял, что имел в виду незнакомец. Разумеется, он вернет все деньги, пусть и без процентов, но у Марчела все равно было такое чувство, что он вот-вот сорвет куш, выиграет джекпот в лотерею. Он даже прихватил с собой лоток с пирожными на дорожку незнакомцу, заранее наплевав на крики Лидии, недосчитавшейся двенадцати трубочек канноли. Пошла она, чертова дура! Пора, наконец, гаркнуть на нее как следует, а может даже треснуть кулаком по затылку. Подумав об этом, Марчел переступил порог сарая и сам получил удар в затылок, успев понять, что пирожные разлетаются в стороны, а сам он летит мордой в пол.

Снилось Марчелу, что он лежит в купе на нижней полке и что поезд, мерно покачиваясь, пролетает мимо ярких фонарей за окном, и рельсы попадают в стыки, и Марчел, едва не срываясь с кровати, так и не находит в себе сил, чтобы проснуться. Затылок болел от твердой подушки – проводница, что ли, камнями ее набила? А тут еще и соседи по купе, невидимые, но с надоедливыми голосами, что-то бубнили над ним, и Марчелу хотелось продрать глаза и наорать на них, но было в их разговорах что-то нехорошее, он слышал этот самоуверенный тон, словно его разместили в купе к проводникам, где они – хозяева.

Он не собирался просыпаться, но разговоры соседей становились невыносимо громкими, и прикидывая, что именно он им скажет, чтобы не нарваться на еще большие неприятности, Марчел понял, что лежит на каталке с открытыми глазами, а свет, который он принял за пронесившиеся за окнами вагона огни фонарей – всего лишь лампы дневного света на потолке больничного коридора.

Повернув голову вбок, Марчел увидел старика на каталке, которому что-то говорил человек в белом халате. Старик, похоже, не слышал или не вполне понимал, что ему говорят, только ошалел

ло смотрел сквозь доктора, а может даже пробивал взглядом потолок. Не без труда подняв голову, Марчел увидел, что накрыт простыней, которую попытался скинуть с себя.

– Эй! – окрикнул его голос, и каталка остановилась, а над Марчелом возник человек в белом халате.

Но Марчел уже успел увидеть, что одет он в камуфляж, точно такой, в который был одет незнакомец в его сарае.

– Нельзя раскрываться! – приказал Марчелу человек в халате. – Лежите спокойно! За папку не волнуйтесь, ее забрали полицейские.

Как бы не болел у Марчела затылок и как бы плохо не соображала голова, он сумел оценить абсурдность слов доктора.

– Папка? – спросил он, и удивился слабости своего голоса. – Какая еще папка?

– Кожаная, – сказал доктор. – Черного цвета.

Эти последние дни на родине Марчел не показывал и носа из квартиры. Из съемной квартиры в кишиневском районе Ботаника, которую Лидия, шокированная нападением на мужа, догадалась снять на следующий день после происшествия.

Кожаная черная папка, подброшенная Марчелу вместе с напыленной на него военной формой, содержала всю хронологию зверств, совершенных знаменитым дурлештским маньяком в 2010 году. Преступления, потрясшие Молдавию и до сих пор не раскрытые. Здесь были и первые сообщения об обнаруженных в лесопосадке трупах старшеклассников, девушки и парня, и последующие сообщения с еще более ужасными подробностями – об обнаруженных на телах огнестрельных ранениях и, наконец, целая подборка материалов, подтверждающих предварительные выводы следствия о том, что жестокое преступление совершено маньяком-одиночкой и что обнаружить его будет крайне непросто.

Оглушив Марчела, маньяк обменялся одеждой с лишившимся сознания хозяином сарая, всунул папку Марчелу под мышку и, натянув на глаза провонявшийся кислым потом Марчелин картуз, вышел из двора и направился к церкви.

Первым был убит водитель жениха и невесты, стоявший в дверях церкви и включивший на телефоне видеотрансляцию для Чебана. Сделав неожиданный кульбит, камера телефона, до того бесстрастно фиксировавшая фальшивый обряд венчания, уставилась в церковный свод, переключив внимание единственного зрителя трансляции на изображения святых. Маленькое темное пятнышко, появившееся на камере так же внезапно, как и смена плана, медленно расплывалось, меняя цвет от почти черного до темно-бордового, а затем и алого. Затем раздался крик, отчаянный и короткий крик, в котором Чебан не мог не признать собственную дочь, после чего какое-то время еще слышалось невнятное бормотание – где-то вдалеке, словно спор соседей в коридоре. Следствие установило, что после расправы над женихом и невестой убийца позволил батюшке прочитать молитву, и лишь после этого застрелил и священника. Звук выстрелов не зафиксировала и камера телефона – полиция посчитала, что пистолет убийцы снаряжен отменным глушителем.

Расправившись с несчастными, человек, одетый точь-в-точь как Марчел, сел в машину жертв и спокойно выехал из села. Машину обнаружили через сутки, в лесопосадке, примерно в тридцати километрах от места преступления. У убийцы было достаточно времени в сарае, чтобы продумать, а за время, прошедшее после убийств – осуществить действия, которые позволят ему еще недели, месяцы, а может, как и до этого – годы – оставаться неуязвимым.